А. А. ФЕДОРОВ-ДАВЫДОВ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Александр Федоров-Давыдов

Русские народные сказки

«Остеон-Групп»

1912

Федоров-Давыдов А. А.

Русские народные сказки / А. А. Федоров-Давыдов — «Остеон-Групп» , 1912

ISBN 978-5-85689-208-5

Александр Александрович Фёдоров-Давыдов (1875–1936) – незаурядный русский детский писатель, редактор, издатель, переводчик. Родился в семье педагога. Его первая детская книжка «Зимние сумерки» вышла в 1895 году. Фёдоров-Давыдов написал 125 книг для детей и множество заметок, статей, очерков. Печатается по изданию: Русские народные сказки. Книга сказок Александра Федорова-Давыдова. Том I. М.: Типография Товарищества Т-ва И. Д. Сытина, Москва, 1912.

ISBN 978-5-85689-208-5

© Федоров-Давыдов А. А., 1912
© «Остеон-Групп» , 1912

Содержание

Предисловие 6
1. Царь-Солома 9
2. Сыроедиха одноглазая 12
3. Преображенный дьявол 14
4. Богатырский белый конь 17
5. Репка 19
6. Чибис, воробей и голубь 20
7. Дурак и берёза 22
8. Колка и Жожга 25
9. Март-озорник 27
10. Водяные цари 29
11. Сестры-лихоманки 32
12. Чернокнижники 34
13. Воевода Филя 36
14. Разбойник Кудеяр 39
15. Откуда пчелы пошли 41
16. Месяц и чёрт 43
17. Птица Бжек 44
18. Святые строители 46
19. Чёрт в рукомойнике 48
20. Народные сказания о хлебном колосе 51
    1. Жадный человек 51
    2. Божий гнев 54
21. Свет-богатырь 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Александр Александрович Фёдоров-Давыдов
Русские народные сказки

© Л.И. Моргун. Адаптация текста, примечания. Редактирование, 2018
© ООО «Остеон-Групп», 2018

Предисловие

«Сказка это – душа ребенка и народа».
Я. Гримм.

Мы знаем много народных русских сказок, мы их читали и перечитывали; но несравненно больше народных русских сказок мы не знаем, а если когда-нибудь и читали или слышали, то давно забыли.

Кто любит сказку своего народа, кто чувствует в ней всем сердцем что-то родное, дорогое ему, хорошее, – тот любит свою родину и свой народ, частицу которого он составляет и сам.

Богатство сказок, ширь мифологических воззрений только выше ставит народ, творчество которого могло оставить своему потомству такое богатство. В самом деле, в опоэтизировании явлений природы небесных тел, времен года; в опоэтизировании человека в разных стадиях его развития, – разве всё это не доказывает вдумчивость «сказителя» сказок, его наблюдательность, его критику действий и поступков сказочных героев. В чисто-народной сказке фантастический элемент прочно спаивается с обыденной жизнью, частью проникая за её пределы, еще чаще втягивая бытовую картинку в свою фантастическую область. Нигде, как в сказке, молодая, мало развитая, младенческая отвлеченная мысль человека не приобретает такой мощности первого своего полета выше земли и её мелочности!..

И эти полеты фантазии заставляют человека волей-неволей жертвовать всей жизнью на земле. В нем вырабатываются совершенно новые взгляды на все окружающее его, и этот взгляд дает новый толчок самосознание человека.

Помимо пробуждения мысли человека сказкой, в ней вы можете видеть первые проблески морального развития нравственности человека. Сказка уже умеет ярко отделить дурное от хорошего; она впервые проводит грань между положительным и отрицательными понятиями, при полной своей симпатии к проявлению первых и к осуждению вторых. Следовательно, за сказками можно признать еще и существенную воспитательную задачу… Практический век наш, стремящийся к улучшению внешнего образа жизни, бессилен от воздействия на духовную жизнь человека. Практический век не задушил сказку, так как для этого надо сначала извести живого человека, – но он всё же отстранил сказку от детского возраста, находя ее даже «вредной». Большей узости и недальновидности нельзя и проявить, заподазривая сказку в злоупотреблении оказанным ей доверием. Может ли быть вред от того, что сказка путем увлекательного повествования лишний раз фактически подтвердит ту истину, что только добро и может жить, а зло даже и при первом внешнем успехе, в конце концов, терпит полное поражение!?

Сказку упрекают в излишне частом увлечении ребенка в область фантастических мечтаний, как упрекают за ложное внушение ребенку фактов очеловечения животного мира. Но это уже придирка, к которой только и может прибегать узость взгляда и черствость сердца.

В самом деле, встречали ли вы нормальных детей, которые, наслушавшись сказок о говорящих котах, зайцах и птицах, уверились в обладании этими животными даром слова? Поверьте, нет. И если ребенок стряпает обед кукле и спрашивает ее обо всем, что ни придет в голову, – неужели можно предположить, что ребенок ждет, когда кукла сама начнет есть или отвечать на эти слова? Один ужас при ожившей внезапно кукле мог бы до полусмерти напугать ребенка. Отнимая сказку от ребенка и низводя его в область практического резонёрства, мы неминуемо должны умертвить в нем все живое, что не поддается рамкам условности; мы должны насильно ампутировать у него тот самый дар Божий, который именуется духовной жизнью, совестью, любовью, истиной. Другими словами, из живого своеобразного, самобытного характера мы искусственным способом хотим сделать из человека манекен, автоматически счетчик, тупицу, способного интересоваться только узким эгоистическим кругом,

создавшимся перед его глазами. Интересно знать, на что бы мог быть пригоден такого рода эгоистичный тупица, – этот бич общественной жизни и творческой деятельности человеческого гения!..

* * *

Нет, сказочный мир чарующей прелестью своей первый формирует психическую жизнь молодого организма: в наивных образах, крупными штрихами, в широком масштабе времени и места (за тридевять земель, в старопрежние годы и т. п.), обрисовывает первые понятия о добром и злом началах и преимуществах первого перед вторым; сказка вырисовывает общий крупный тип своих героев, которые развивают перед слушателями её дуалистическую несложную теорию. Она смело открывает перед глазами ребенка чудные картины родной природы и помощью своего поэтического творчества сближает природу с человеком, которого научает любить ее всем сердцем. Заставляя животных говорить и действовать разумно в пользу героя или во вред, сказка незаметно внушает ребенку симпатию или антипатию к тому или иному животному, тем самым научая его опасаться хищника и щадить слабого и беззащитного зверка.

Сказка одухотворена фантазией. А. что же помимо фантазии давало человеческой мысли толчки к пробуждению и развитию? Разве не фантазия помогла человеку создать культ божества? Разве не фантазия наталкивала человека на изобретения и открытия? Не фантазия разве, казавшаяся в то время безумием, дала возможность Галилею постигнуть истину вращения земли, а Колумбу – отправиться в неведомое плавание?

Помимо чисто общественного значения своего, сказка создает в молодом организме и основы гражданской жизни человека. Она воссоздает пред его глазами идеал семьи и ужас семьи раздробленной, из которой она уводит своего героя для воссоздания им новой своей семьи на основах истинного счастья.

Но главное, что дает нам наша родная самобытная сказка, это – сохранение в цельности родного языка, картину бытовой минувшей жизни, физиономию нашего народа, его обычаи, привычки, верования и, словом, русский дух, который один только хранит, в свою очередь, единство отдельных личностей, который один объединяет всех нас и дает нам силу любить и ценить всё своё родное. А без этого не может быть ни страны ни народа. Отнимать сказку у детей – это преступление, это нравственное убийство в человеке задатков того, что отличает его от животного. Такой взгляд на сказку прежде всего указывает на полное непонимание детского миросозерцания и детской души. Оно доказывает только, что и сами такие «реформаторы» не имели своего детства и, лишенные этого счастья жизни, ощупью бродяг вокруг да около, преследуя то, чего сами не знают и не могут понять, не испытав чего-либо подобного…

Сказка возникла вполне естественно, а истреблять естественное – это всё равно, что подпиливать сук, на котором сидишь. Как бы ни бились господа Молчалины, но живую жизнь они не увидят шествующей планомерно по их собственному узкоколейному пути, с шорами на глазах. Характеры разнообразны; образование их – в зависимости от сотни тысяч случайностей внешнего и внутреннего развития организма. Богатство этнографического материала, песен, былин, сказок, преданий, суеверий во всей широте показывает цельность, вдумчивость и глубокое чувство народа, обладающего этими сокровищами. В этом отражается вся духовная жизнь народа, который не удовлетворялся одной материальной жизнью, который не шарил только носом по земле в поисках за пищей и за удовлетворением своих физических потребностей, но нередко смотрел и на небо, которое отражалось и прочно запечатлевалось в его сердце. Как хорошо и цельно доказывает этнографическое богатство благодарное отношение человека к своей земле, которая воспитала его и дала ему средство к пропитанию!.. Человек умирает, но оставляет своему потомству святой завет хранить *свою* родину, которую создал он и закрепил

за собой. Вся история русского народа отражается в этих пережитках прошлого для всякого вдумчивого наблюдателя.

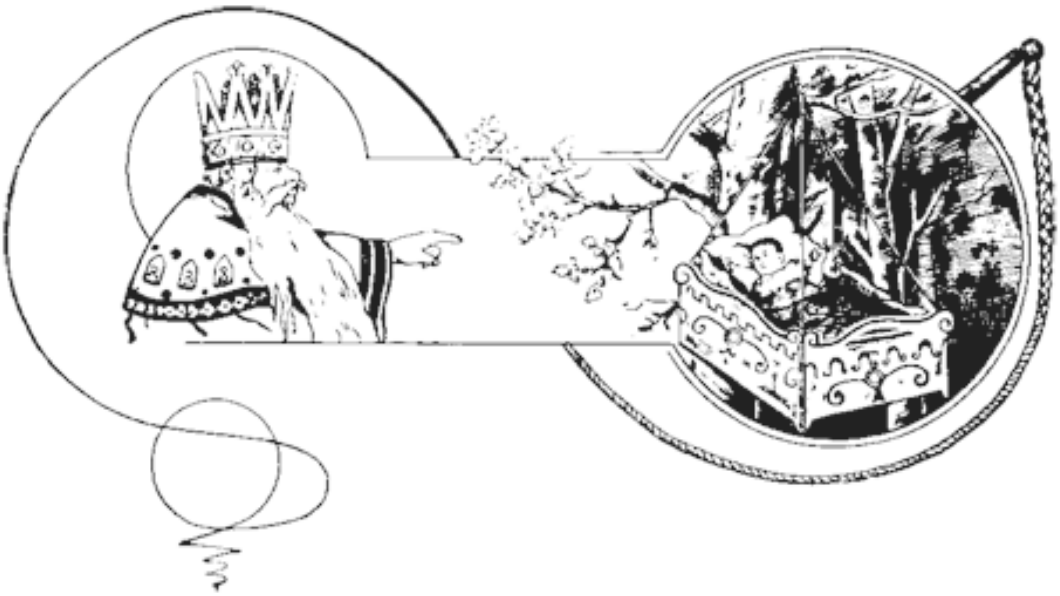
Важнейшие периоды в жизни народа, влиявшие на его общественную жизнь, на его развитие, на склад ума и характера, – татарщина, царская власть, крепостное право – все это наложило глубокие, неизгладимые следы на духовную жизнь русского народа, отпечатлелось целиком на его взглядах на жизнь и на окружающую природу и на его характере.

Сначала – времена язычества и первых шагов христианства – вольная жизнь, – бодрость и смелость во взглядах; потом скорбь, заунывность напевов песен; затем унижение, холопство, трогающее до слез, как неисходное горе, как глубокое убеждение в неизбежности своей судьбы.

Все эти разнородные периоды русской жизни только показывают всю широту русской натуры, её живучесть и всю разносторонность русского духа. И, несмотря ни на какие намеренно созданные рамки, несмотря на упорные попытки то онемечивания, то ополячивания русского народа, могучая воля его, сила народного духа преодолела эти упорные попытки и сохранила вечно-юную и сильную Русь, народную Русь, Русь лапотника-землепашца… И эту силу, эту самобытность не сломит никогда вторжение иноземщины, которая должна будет только отдать лучшее Руси для того, чтобы она все переработала по-своему, все применила к своей самобытности, все повернула бы на свой салтык.

А. Ф.-Д.

1. Царь-Солома

Жил-был в некотором царстве, в неизвестном государстве царь, мудрый, жизни примерной и грамотный. Жилось народу хорошо, и царю тоже; но только сам царь очень тосковал, что у него детей не было. И послал ему, наконец, Бог сына на радость, да такого пригожего, такого умного, что все диву давались на него. Обрадовался царь, а чтоб сыну здоровья придать, указал он повесить люльку в саду царском, на вольном воздухе, на ветру, чтобы царевич силы набирался, крепчал, чтоб его ветром перелетным обвеяло, солнцем обрумянило.

А жил возле царского терема кузнец, у которого о ту пору тоже сынок родился. Вот и стала нечистая сила кузнеца смущать:

– Смени да смени своего сына на царевича: твой сынок и будет царем, как вырастет.

Послушался кузнец нечистой силы, обернул сынка в чистые тряпки, отнес его в царский сад, вынул из люльки царевича, обернул его тряпичкой поплоше, а своего сына положил на его место в золоченую люльку под парчовое одеяло; потом пошел да царевича малого на солому на задворках бросил и ушел восвояси.

Проходил о ту пору мимо дворца царского пастух, услыхал – дитя плачет, а солома-то у забора словно сама собой шевелится. Подивился пастух на то, подошел поближе, раскопал солому, смотрит, а там дитя барахтается, плачет-разливается и ручонками размахивает. Пожалел пастух ребенка.

«Давай-ка, – думает, – возьму я его к себе. Незамай, у меня вырастет, хлеба и про него у меня хватит… А парень, поди, цепкий будет, ишь как ручонками-то за меня цепляется!» Взял он ребенка и снес к себе.

Ну, хорошо. Растет сын кузнеца у царя в палатах: живет, растет и царевич у пастуха. Никто ничего диковинного не примечает, только сам царь недоумевает:

– Это, – говорит, – не мой сын. Это подменыш, потому он и говорить-то по-царски не умеет! Всё-то он по-своему хочет!..

И точно, станет царь царевичу про законы толковать, а царевич про железо речь ведет. Скажет царь, что-де «надо бы там-то и там-то стражу для надзора поставить, а подмененыш ему свое в ответ:

– Нет, – говорит, – лучше нам кузницу поставить, дело-то вернее будет!..

Как же тут царю не догадаться, что не царевич это, а подменыш? Кузнецкий сын по-своему и речь ведет!

Вот поехал как-то царь на охоту и свиту свою с собой взял. Ездили-ездили по лесу; стало дело к ночи близиться, царь и остановился для ночевки, а свита его по лесным тропам поехала дичину выслеживать, да и заблудилась ночным временем в лесной чащобе. Вот они ездили-ездили, плутали по лесу, плутали и добрались до какой-то речушки. Смотрят, а возле речушки на угорышке пастух сидит, стадо пасет.

Вот они и спрашивают его:

– Добрый человек, скажи, не утай: как твое имя? Много ль голов в стаде у тебя? Глубока ли тут речка вброд?..

А пастух им кряду и ответ дает:

– Матвей. Триста. Брод по колено!.

Царские люди диву дались: это что за сметливый пастух такой!.. Однако захотели сбить его с толку, указали ему на колымагу свою золоченую и спрашивают:

– Отгадай, добрый человек, что дороже всего на свете?

Так и думали царские люди, что позарится мужичонка на золотую колымагу, которой он, само собой, отродясь не видал, тут они его на смех и поднимут. Да не тут-то было: вынул пастух ломоть хлеба с солью из кошелки и говорит:

– Вот, – говорит, – что на свете дороже всего! Так-то.

Почесали затылки царские люди и говорят между собой:

– Зубастый парень… С ним тягаться – не выходит дело!..

Ну, расспросили они потом у пастуха про дорогу и поехали к царю назад. Приезжают к нему; так и так, говорят, вот что видели мы и слышали; мудрёный пастух!..

И догадался тут царь, что не пастух это был, а его сын, которого подменили. Сел он на коня, поехал на то место, где его свита пастуха встретила, а того и след простыл.

Той порой умерла у царя царица, он и женился на другой.

И случилось как-то царю из царского города по делам уехать в другой уезд. А молодая царица о ту пору с другим, неверным царем сговорилась, как бы им царя извести да на место его самим всем царством завладеть. Ну, это они толкуют между собой, а той порой и проведал о том царевич-пастух; созвал он товарищей и говорить им:

– Вот что, ребята! Соберем-ка мы войско ратное и выберем себе своего царя. А кого выбрать, жеребья кидать мы не будем, а выйдем на болото, и как станут квакуши квакать, – пусть каждый из нас крикнет им, чтоб он замолчали. И кого из нас квакуши послушают, пусть тот и царем будет над нами.

Вот они так и сделали. Вышли на болото, стали друг за дружкой на квакуш кричать, чтобы те замолчали, – квакуши и в ус не дуют, – квакают пуще прежнего. А как гаркнул на них царевич-пастух, – квакуши – ни гу-гу. Молчат, сидят…

Однако никто не согласился пастуха царем считать, мало ли почему квакуши не квакают, – и говорят:

– Нет, братцы, это что?.. А давайте укажем лягушкам, чтоб он снова заквакали!.. Вот кого они послушают, – тот и впрямь царь между нас.

Стали они снова кричать, – а квакуши опять никого не слушаются, голоса не подают А как дошел черед до царевича да гаркнул он на квакуш, – так все болото заквакало, хоть уши затыкай.

– Ну, – говорят царевичу, – видно, так и надо, чтоб быть тебе царем над нами!..

Вот и стал царевич-пастух самым заправским царем, **стал** указы писать, распоряжения давать; людей своих вооружил и пошел на город, в котором царица с неверным царем делами правила…

Да изменил новому царю один воин, побежал передом в город, чтобы царицу о беде неминучей упредить; хорошо, что пастуховы воины его заприметили и на бегу подстрелили. А как был царский город недалеко, – услыхала царица пальбу, перепугалась и посылает узнать, что, мол, такое случилось: у неё самой на уме недоброе было, так она всего и опасалась.

Побежал посол, увидал человека убитого, вернулся к царице и поведал ей о том. Она собрала войско и пошла на царевича-пастуха вместе с неверным царем. Завидело их войско пастухово, испугалось, разбежалось по лесу и схоронилось. А царевича-пастуха схватили и связали. Царевич – ничего, только говорит:

– Дозвольте мне, господа, рожок с собой взять, перед смертью поиграть…

Ну, вот, привезли пастуха в город, стали виселицу строить, чтобы его вешать, а он им и говорит:

– Повесьте меня наискось, а для того сделайте вы мне три петли, одну на шею, другую на руку, а третью на ногу!..

– Что ж, говорят, – это ничего. Пускай его и так повисит.

И сделали для пастуха три петли.

Поднялся царевич на лестницу, чтобы до петель достать.

– Дозвольте, – говорит, – в рожок поиграть!..

– Что ж, – говорят, – ничего, можно; поиграй!..

Вот он и затрубил в рожок в первый раз, – глядь из лесу рать его выбежала; он во второй раз затрубил, – они на коней сели; в третий раз затрубил, – бросилась его рать к палатам царским, схватили царя неверного и повесили его на первой петле; царицу – на другой петле, а в третью стали совать того, кто эти самыя петли налаживал. А налаживал-то их тот самый кузнец, который царевича своим сыном подменил. Ну, тут он при всем честном народа в своем грехе-то и покаялся…

Вот мало спустя приезжает домой сам старый царь.

Узнал он, что без него произошло, обрадовался он, что сын-то его настоящей объявился, да что такой он смышленый и дельный, – передал ему все царство, а сам в отставку вышел.

Ну, и стал новый царь царствовать, дела решать, да все загадками, куда мудренее старого царя. И прозвал он себя царь-Солома, потому что нашел его пастух на соломе.

Пришло время, и умер царь-Солома и попал в ад. Как воскрес Христос да сошел в ад, чтобы хороших людей из ада вывести, увидал Он в аду, в геенне огненной, царя-Солому и говорит ему:

– Ты здесь зачем? Чай, ты и хитрый, и мудрый был!..

А царь-Солома Ему и отвечает:

– А кто же мне мудрость-то дал? Ты, небось!..

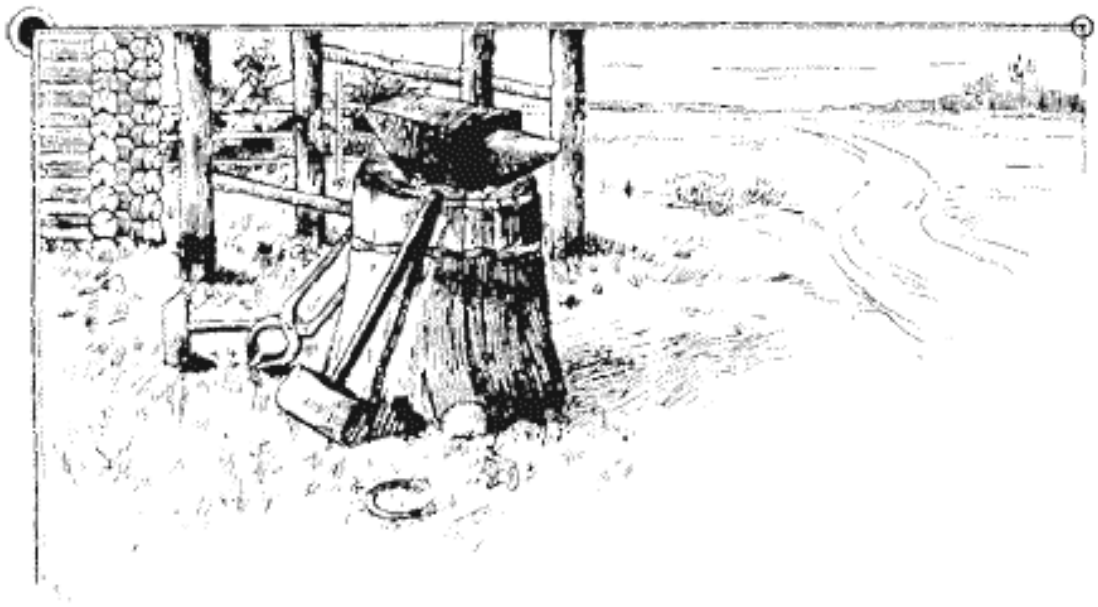
И сказал ему тогда Христос:

– Иди за Мной!

И вывел его Христос из ада, однако, в рай его за Собой не повел. II остался с той поры царь-Солома между адом и раем.

Да, вот и хитрый был царь Солома, а все не святой. В святые-то выхитрить себя так и не смог!..

2. Сыроедиха одноглазая

Жил-был кузнец, и ничего-то он на свете не боялся.

Ходят, ходят к нему люди и все говорят, наконец:

– Ох, горюшко!.. Ох, беда!..

Слушал их кузнец, слушал и говорит:

– Что такая за беда на свете?.. Что-то я никакой беды не знаю. А ну-ка, пойду я по свету белому, поищу эту беду, – авось, найду её да посмотрю, что это за диво такое?..

Ну, вот, собрался он в путь-дорогу и пошел, куда глаза глядят. Шел он, шел и встречает по дороге швеца.

– Куда идешь, добрый человек? – спрашивает.

– Да иду, чтоб на месте не стоять!.. А ты куда?..

– Да иду я беду свою искать. Что это за диво такое?..

– Ну, ладно, пойдем вместе с тобой.

Шли они, шли и пришли в лес дремучий, а в том лесу была избушка. Вот они вошли в избушку, там нет никого; они Богу помолились и легли спать.

Рано поутру вернулась в избушку сыроедиха одноглазая, увидала гостей незваных, непрошеных и давай их опрашивать:

– Откуда вы, бродяги?.. Чего вам, такие сякие, надо здесь?..

– Да вот мы беду свою искать идем, – отвечают кузнец и швец. – Я – кузнец, – говорит один. – А я – швец, – говорит его товарищ.

Ничего им на это сыроедиха не сказала, натаскала дров полную печь, затопила ее, потом взяла швеца да в огонь его и бросила. Швец там и испекся. А она его вынула из печки и съела его.

Обмер кузнец от страху. «Ну, – думает, – вот она беда-то моя когда пришла».

А сыроедиха и говорит ему:

– Слушай, добрый молодец; коли ты кузнец, так прожги ты мне другой глаз, а то я одноглазая.

– Что ж, – говорит кузнец, – это можно..

Сыроядка заперла двери, чтобы кузнец от неё не убежал, и говорит ему:

– А ну-ка, разожги жегал в огне и прожги мне во лбу глаз…

Кузнец ей и говорит:

– Ладно, только принеси мне такую веревку, чтобы я тебя мог по рукам и по ногам связать.

Принесла ему сыроедиха веревку, кузнец взял ее и говорит:

– А ну-ка, попытайся, не разорвешь ли ты веревку.

Она только натужилась и порвала веревку.

– Эта веревка не годится, – говорит кузнец, – давай другую.

Сыроядка и другую веревку порвала.

Взял кузнец третью веревку и так скрутил ею сыроедиху, что той и ворохнуться нельзя.

Потом раскалил он жегал и выжег сыроедихе её единственный глаз…

Сыроедиха от боли не выдержала, собрала все свои силы, натужилась и порвала веревку. Потом ощупью собрала дрова, затопила печь и хотела кузнеца в огонь бросить. Да только кузнеца-то она никак не могла поймать со слепу; она руками шарит по всем углам, а кузнец от неё всячески увертывается. Да не спастись бы ему от сыроедихи, кабы не овцы в избушке: кузнец всё под ними хоронился.

– Ладно, – говорит сыроедиха, – повыкину-ка я всех баранов за окно, тогда я его, разбойника, живо найду в избушке…

Вот и стала сыроедиха баранов одного за другим хватать да за окно на двор выкидывать. А в дверь их выпускать боялась, как бы кузнец тоже не выбрался через дверь. Только кузнец и сам малый не промах был. Вывернул он тулуп наизнанку, надел на себя, а сам ходит на четвереньках да этак, по-бараньему: «Бэ-э… бээ!..» будто и он баран тоже… Баба-сыроедиха нащупала его, ухватила за овчину и выкинула в окно на двор… А кузнец, как за окном очутился, вскочил на ноги и крикнул:

– Будь здорова, беда неминучая!..

Обозлилась баба-сыроедиха.

– Ладно, беги, беги!.. – шипит. – Я тебя все равно поймаю!..

Бросился кузнец бежать со всех ног, добежал до лесу темного, глядь – бревно лежит, а в бревно топор серебряный воткнут, и у того топора топорище чистого золота.

Пожалел кузнец даром добро бросать, ухватился за топорище, а рука-то у него к топорищу и прилипла. Он, было, и так, и сяк, – всё никак не отстаёт рука от топорища…

А баба-сыроедиха подбежала к нему и хохочет:

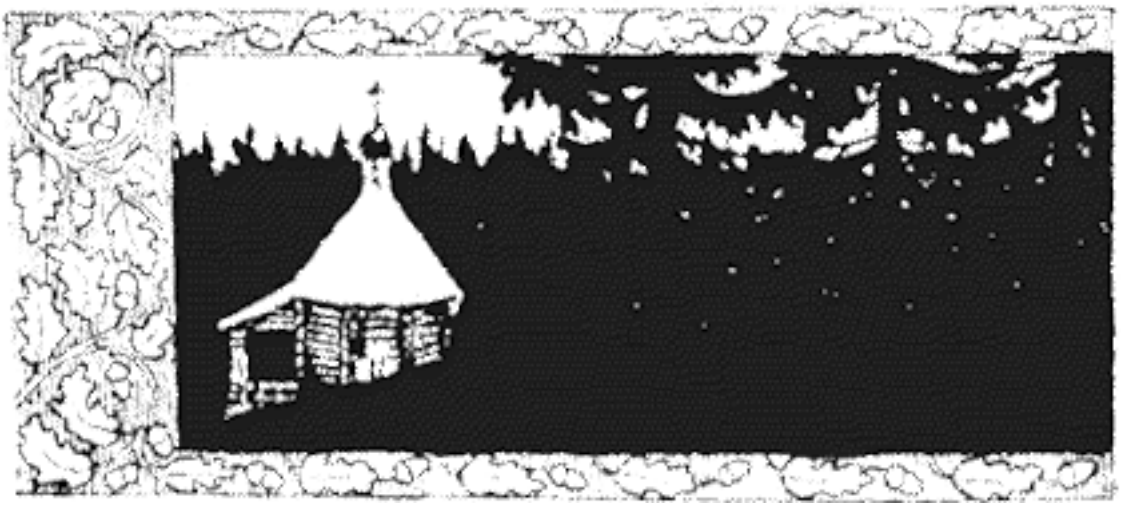
– Я же тебе сказывала, что поймаю тебя?..

Да кузнец не сплоховал, вынул нож из кармана, отрубил *себе* руку по кисть и убежал домой… Прибежал он домой; отдышался и говорит:

– Ну, теперь и я знаю, что такое значит беда неминучая!..

3. Преображенный дьявол

В старо-прежние времена, в незапамятные годы жил-был в дремучем лесу, в хоромах княжеских князь некий. И хоть крещёная душа был этот князь, а всё же сторону татар держал, и всё, что ему Мамай ни укажет, князь всё по его воле делал: и народ губит, и села жжет, и скот к себе угоняет. Греха и ответа не боялся. Лют больно был князь до своих. Вот и пишет он хану татарскому грамотку, что-де предоставлю я тебе весь народ крещёный, а только ты меня царем над ним возвеличь! Басурманский хан согласен был. И начал князь лютовать пуще прежнего.

И прогневался Господь на него, отвел от него архангела Гавриила, тут нечистый к князю и начал подступать.

Обернулся нечистый туром-золотые-рога. Увидал его князь и погнался за ним. Долго гонял его князь, наконец изловчился, метнул копьем и свалил тура-золотые-рога. Упал тур-золотые-рога, обернул голову на князя и усмехается. И понял тут князь, какого он зверя полонил. А нечистый скинул обличье с себя и говорит:

– Ну, князь, добрался я до тебя. Теперь не вывернешься ты у меня. Иди за мной.

Испугался князь и говорит:

– Пожалей ты меня. Дай мне прежде в грехах своих покаяться и грехи свои замолить!..

– Нет, – говорит нечистый, – не могу.

А князь ему.

– Да ведь и ты, сказываюсь, прежде Бога восхвалял.

– Это точно, – говорит нечистый, – было такое дело… восхвалял я Бога!..

Князь покачал головой и говорит:

– Сказывают про тебя это точно, а только не может того быть, чтобы это было.

Ну, тут уж нечистого за сердце взяло.

– Хочешь, – говорит, – я тебе покажу, как я прежде Бога восхвалял?

– Покажи, – говорит князь. – Только я тебе не верю…

И запел тут дьявол хвалу Богу, как в прежние годы, бывало, он певал. А как за временем запамятовал он, а теперь вспоминать стал, – так всё только о Боге и помнил. II такая это песня была, что сам князь, на что злодей был, и тот очувствовался и заплакал. И видит он вдруг, что от песни своей преобразился нечистый: и крылья у него побелели, и тело его стало чистое, светлое такое, и когти на руках спали, и стал он отдаляться от земли, стал подниматься к небу.

Руки горе поднял, к небу летит, а сам поет и поет свою песню райскую… А там и пропал, словно растаял ясным облаком…

И одумался князь: «Ужели, – думает, – я хуже нечистого?»

Собрал рать сильно могучую, одолел ханское войско, а на том месте, где нечистый райскую песнь пел, церковь поставил и указал себя после смерти под папертью положить…

4. Богатырский белый конь

Вот, сказывают, в старо-прежние годы привалила татарская орда-сила в рязанскую землю. Вел ее сам хан Батый, да путем-дорогой позамешкался что-то и поотстал от своей орды.

Прослышали, проведали князья рязанские про орду татарскую, обкольчужились, облагались, собрали вокруг себя рать сильно-могучую и выходили супротив татарского отряда на почестен бой.

Сходились рати великие на берегах Быстрицы, возле болотца Ермачкова и заводили лютый бой. И от той борьбы содрогнулась мать сыра-земля; от убитого ратного люда Быстрица горой стала, вся красным-красна.

Бьется, ломится сила святорусская, не сдержать ей татаровья… И сложила бы рать великая головы буйные все до единой, да налетал о ту пору, неведомо откуда, богатырь незнаемый на белом коне. Под копытами коня земля гудёт, изгибается; из ноздрей коня огонь пышет, из ушей дым столбом валит. А за витязем его дружина хоробрая летит, словно жар горят все доспехи её богатырские…

Налетал богатырь неведомый со своей дружиной на татарское полчище ясным соколом из поднебесья, ударял на неё мечом, на все стороны силу неверную раскидывал, себе путь-дорогу расчищивал, для дружины своей ход опрастывал.

Растужилась сила неверная, расплакалась:

– Это что ж за боец такой невиданный! Уж как да побьет он всю нашу силу поганую натло. Не оставит наших на семена!..

И добил бы витязь славно-могучий всю силу неверную, да поспевал ей на выручку сам поганый царь Батый Батыевич.

Поспевал он с силой новою, а витязь на белом коне о ту пору приустал, приумаялся. Еще белый конь его ослушался, передом к супротивнику не обертывался. Опускал Батый Батыевич булаву во сорок пуд богатырю на темечко, сбил с коня на землю, вшиб его в землю на полсажени.

– Ты лежи, удалый добрый молодец, во сырой земле. Больше тебе на белом коне не ездити, молодецкого сердца честной битвой не тешити!..

Порасшибал Батый Батыевич всю дружину хоробрую до единого, а белого коня богатырского загонял на болотце Ермачково…

С той поры, с того времени чудо-чудное, диво-дивное на Ермачковом болотце творится… Чуть ночь-матка сойдет, – по всему болоту, где могилки богатырские лежат, свист идет, раздаются песни молодецкие. А кто те песни поет, еще кто на болоте свистит – никому неведомо.

И выбегает на болото чудный белый конь; он бежит по могилкам богатырским, ушами прядает, жалобно ржет, слезами горючими плачет и роет копытом землю, могилки разрывает.

И тут посвисты да песни пуще прежнего идут, – послушай их, так оглохнешь и ума решишься. А по могилкам ясные, словно живые, огоньки вспыхивают; и бегают огоньки с могилки на могилку, озаряя их.

Осиротелый белый конь витязя своего убитого ищет, Батый Батыевич его в землю вогнал. Ищет-ждет удалого молодца вся дружина его хоробрая; она свищет, песни поет, – голос ему подает; авось де витязь сильно-могучий услышит их да на посвисты их откликнется.

Но молчит богатырь сильно-могучий; ему мать сыра-земля уста запечатала, ясные очи засыпала, придавила его грудь молодецкую, чтобы сердце его ретивое с горя не надорвалось, – с горя, что не привел ему Господь за святую Русь выстоять честь-честью!..

5. Репка

Жила-была на селе старушонка, да такая ли злющая да жадная. Дожила старушонка до старости, никому добра не сделала, а зла натворила – и – Господи сколько!.. Одно слово – камень, а не человек была. Вот только раз полола старушонка грядки на огороде, а мимо шла нищенка. Пожалела старушонка нищенку, выдернула из грядки репку и подала нищенке.

Настало время старушонке помирать; подхватили бесы душу грешную и сбросили ее в смолу кипящую. Заплакал ангел-хранитель старушонкин, что погибает душа человеческая. Да вспомнил он про репку, полетел к Господу и говорит;

– Помилуй, Господи, душу бобылкину. Грешна она во многом; зла сотворила много, а добра от неё никто не видал. Только однажды пожалела она нищенку убогую, подала ей репку и тем добром перед людьми не возносилась.

– Хоршо, – сказал Господь, – пойди, возьми эту репку, протяни ей, пусть хватится она за эту репку, и ты вытащи ее из смолы кипящей.

Обрадовался ангел-хранитель, протянул старушонке репку и говорит:

– Держись, старуха, за репку, я тебя вытащу!..

Ухватилась старуха за репку, ангел и стал ее тащить из смолы. Да увидали другие грешники это, ухватились и они за старушонку, – авось-де и их, вместе со старухой, ангел из ада вытащит.

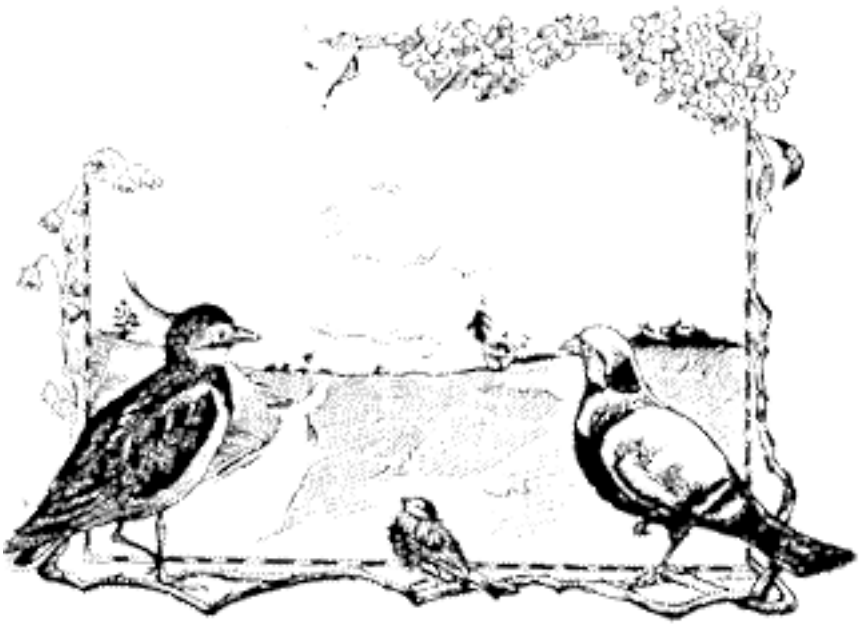
Да испугалась старуха, что много народа за нее цепляется, и что – неровен час – оборвется её репка, и стала она всячески отбиваться от грешников.

– Отстаньте, – говорит, – чего вы привязались?.. Меня тянут, а не вас. Это моя репка, а не ваша!..

И только сказала она эти слова, оборвалась репка, и упала старушонка в смолу кипящую, там и осталась на веки вечные…

6. Чибис, воробей и голубь

Когда лиходеи Христа всюду искали, чибис все время над ними летал и путь им указывал. Он летит и свищет: – Ви-ижу!.. Ви-ижу!..

За это Господь ему клюв вытянул и указал жить на болоте и питаться червями, лягушками и гадами на всю жизнь.

Стали лиходеи мучить Христа; распяли Его и думали, что Он уже умер. А воробей всё ходит вокруг креста и чирикает:

– Жив-жив!.. Жив-жив!..

Ну, воины и пронзили Христа копьём в ребро.

За то Господь выдернул воробью ножку, оттого воробей и по сейчас ходить не может, а всё скачет по земле.

В то время чёрный ворон был весь белый, и люди почитали его наравне с голубем Божьей птицей. Да когда Христос висел на кресте, и святая кровь Его капала из ран Его, – ворон не удержался от жадности, разинул клюв и давай ловить капли тёплой крови…

За то Господь навсегда вокруг клюва оставил у него запекшуюся кровь и указал ему питаться падалью… И на всю жизнь из белого стал ворон чернее ночи.

Только одна крохотная безыменная птичка пожалела Господа, подлетела к Нему и выдернула изо лба Его занозу. Кровь брызнула из ранки на грудь птички, и у неё навсегда осталось красное пятнышко на груди и горлышке, и люди стали называть безымянную птичку красношейкой.

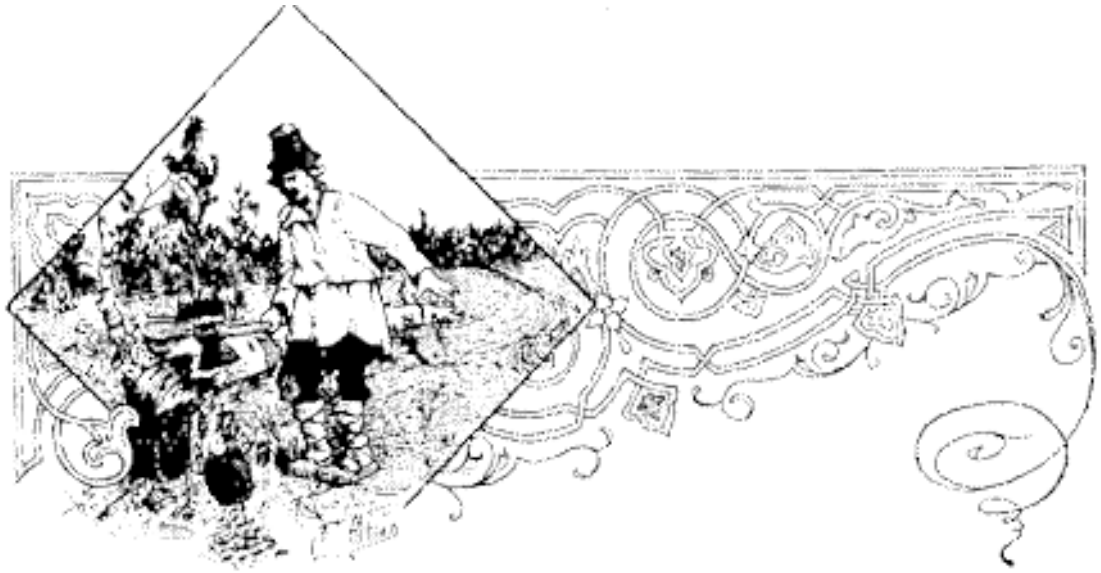
И голубь тоже о Христе печалился. Он сидел на кресте и ворковал жалостливо:

– У-у-умер!.. У-у-умер!..

Известно, голубь – птица святая!.. Божья птичка!..

7. Дурак и берёза

Жили-были на селе три брата; двое старших были ребята умные, а младший, Емеля, – дурак дураком. Лежит себе, бывало, на печи, и горя ему мало. Скажут ему братья:

– Ты бы, дурак, молотить пошел, а то что даром лежишь на печи да хлеб жуешь?..

– Ну, что ж, – скажет Емеля, – ладно.

Пойдет на работу, поработает до ужина, а утром – опять с печи его не стащишь.

Пришла братьям нужда, а у них корова была. Вот они подумали, погадали да и говорят:

– Сведи-ка, Емеля, корову на базар, продай. Да смотри, дурак, деньги-то считай хорошенько.

– Ну, что ж, – говорит Емеля, – ладно.

Взял посошок в руку, погнал корову из села на базар.

Вот идет Емеля путем-дорогой по лесу, а при дороге старая берёза стояла, дуплистая такая. Дует ветер, качает березу, а она, знай, поскрипывает: «крр… крр» да – «крр… крр!..»

Прислушался Емеля, как береза поскрипывает, и почудилось ему, что береза про корову его опрашиваешь. Остановился Емеля и говорит: – Что, земляк? Али на корову заришься?.. Что ж, корова ничего себе, в аккурат…

А береза опять свое: «крр… крр…»

– Да недорога, – говорить Емеля, – двадцать целковых всего только и прошу. Да ты посмотри, корова-то какая!.. И молока дает, сколько потребы есть…

Берёза всё поскрипывает: «крр… крр…»

– Нет, земляк, – говорит Емеля, – и не торгуйся… Меньше никак не могу. Не то братаны ругаться будут…

Затих ветер, еле зашелестил по листьям, и зашумела береза «шшшу!..»

Обрадовался Емеля даже.

– Вот за это, – говорит, – люблю!.. На слово веришь, давай дело кончать…

Привязал Емеля корову к березе и говорит:

– Ну, земляк, теперь деньги давай…

Подул ветер сильнее, заскрипела береза пуще прежнего: «крры… крры!..»

Почесал Емеля затылок и говорит:

– Обождать, значит?.. Что ж, коли недолго, так можно. Оно точно, что насчет денег-то у всех малость тесновато; да немного обождать можно. Ладно, завтра зайду!..

Пришел Емеля домой и рассказал братьям, как он корову с первого слова без торгу продал. Да как услышали братаны, что он корову в лесу старой березе продал, накинулись они на него и давай его всячески бранить:

– То-то дурень!.. Березе корову продал!.. Эх, ты!..

– Что ж, говорит Емеля, – отдаст!.. Дерево-то старое, не чета молодому… Уж очень она меня просила.

Покачали братаны головами и говорят Емеле:

– Ну, дурак, смотри, ежели тебе береза денег не заплатит, – лучше и на глаза нам не показывайся!..

На утро пошел Емеля в лес, к березе за деньгами – а коровы нет. известное дело, либо волки ее съели, либо прохожий какой с собой её угнал. Подошел Емеля к березе и говорит:

– Ну, земляк, корову-то ты взял, так давай теперь деньги, а то братаны с утра до ночи меня бранят.

Берёза всё своё: «крры» да «крры»…

Почесал затылок Емеля.

– Так, – говорит, – опять обождать?.. Ладно, земляк, еще обожду, а уж там не прогневайся, – разделаюсь с тобой по-свойски.

Пошел Емеля на другой день в лес и топор с собой захватил. Вот подходит он к березе и слышит, – та ещё издали ему скрипит: «крры…» да «крры…»

Зло взяло Емелю за сердце.

– Ну, земляк, нет. Один раз просил, – я обождал; вдругорядь попросил, – опять я тебя уважил. А теперь не прогневайся… Я и то тебя вчера упреждал о том…

Достал Емеля топор из-за пояса, поплевал на ладонь, взмахнул топором, – только щепки от берёзы во все стороны полетели…

Затрещала берёза, повалилась на землю, а из дупла у неё кубышка вывалилась, и рассыпалось из неё золото по земле. Вздохнул Емеля и говорит берёзе:

– Вот, земляк, до чего ты себя довел… А всё почему? Всё от жадности своей… Я тебя честью просил, а ты всё своё ладил: «обожди да обожди!..» Вот оно тебе же хуже и вышло…

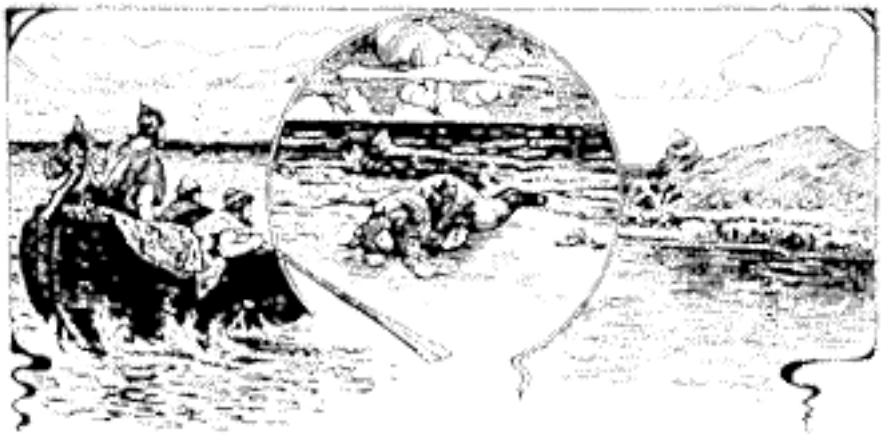
Собрал Емеля золото, не считая, в кубышку ссыпал, пришел к братьям, – те только ахнули и руками развели.

– Вот, – говорит Емеля, – всё-то вы мне не верили. А земляк-то мой – старичок ничего себе, скуп только больно!.. Гляньте-ка, всё до копейки выплатил.

Зажили умные братья на славу, а Емеле справили новый синий кафтан да шапку с красным махром, – будь, мол, доволен и на том!..

8. Колка и Жожга

Жили-были в давние времена два удалых, добрых молодца – Колка да Жожга. Загуляли молодцы, отбились от людей добрых и пошли гулять по Волге-матушке, разбивать бусы-корабли да грабить торговых гостей.

Становились они станом в Жигулях, в пещерках потаённых, и сносили они туда всё награбленное добро-богачество…

И серчал на разбойников Грозный царь, – да что ты с ними поделаешь? И близок локоть, а не укусишь. Да напал удалый разбойный народ на царский орлёный корабль, ограбили его, царских служивых людей перебили, а царского посла связали и в Волгу бросили…

И так прогневался на Колку с Жожгой Грозный царь, что собрал противу них рать несметную.

Как прослышали атаманы про царев гнев, – и стало им страшно. Становились они на бережке, скликали голытьбу поволжскую во единый круг, говорили им такое слово:

– А и полно нам, братцы любезные, народ смущать, торговых гостей грабить, корабли на дым пускать, а пуще того, – царёвы орлёные корабли…: Дошла до нас весточка нерадостна: поразгневался на нас Грозный царь Иван Васильевич… Высылает он противу нас рать свою великую, хочет нам, лихим разбойничкам, головы снести по самые плечи могутные… Надо нам будет грехи великие замаливать, приутишить сердце батюшки Грознаго царя. Его сердце неуёмчиво; оно, сердце-то, что ни день – все пуще гневом распаляется!.. А как повалит на святую Русь басурманская сила могучая, отколе солнце красное на заре встает, так и станем мы, братцы любезные, супротив нея; мы ту силу басурманскую своей грудью выстоим; не допустим зла-татарина на святую Русь, потому он, поганый, похваляется. «Я-де всю святую Русь с головнёй пройду, я ни ребят, ни жен не помилую; церковь Божью на-тло разорю!..»

Становились люди разбойные заставой могучей; выжидали они силу басурманскую… Набегал на них сам поганый царь, набегал неверный Кудреянище. Выкликал он себе супротивника из стана разбойного, говорил, похваляясь неподобно:

– Вы идите, люди неверные, поклонитесь мне, царю, дарами богатыми. И о ту пору я вас помилую, буду брать с вас дани-пошлины… А не то я всю святую Русь с головнёй пройду, не оставлю ни ребят, ни жен… Ещё церкви Божьи на-тло разорю…

Выходил на смертный бой атаман разбойный Колка, рукава по локоть засучивал, сапожки сафьянные подтягивал, шапку-мурмолку на правое ухо заламывал. Не сизые орлы слеталися, – сходилися удалые богатыри; они бились, ратились три дня и три ночи без роздыха, до конца

борьбы не доваживали, разнимали руки железныя, друг другу челом били, расходились в стороны по-честному…

Пуще прежнего царь порасхвастался. Во всю голову кричит, горы-гаркает:

– Али сильно-могучие богатыри на Руси перевелись, что не могут одолеть меня, татарина?..

Выходил из стана разбойного Жожга на смертный бой. Рукава по локоть засучивал, сапожки сафьянные подтягивал, шапку-мурмолку на ухо на правое заламывал, говорил царю такое слово:

– А и что ты больно рано похваляешься, поганый царь? Еще кому Бог пошлет одоление в честном бою, – то неведомо!.. Одолею я тебя, и тут, станешь ты меня о милости просить, – да уж я тебя в те поры не помилую…

Ухватились удалые, добрые молодцы бороться, грудь о грудь сошлись, словно корни сплелись руки их железные, – *да* ни тот, ни этот не ворохнётся… О ту пору у царища Кудреянища ножка правая подогнулась, и вогнал его разбойник в землю по-колень…

А уж в чистом поле пыль столбом валит, – поспешает сила ратная царя Грозного над разбойным людом суд чинить… Нападала рать московская на разбойный стан, избивала всех разбойников до единого… Настигала Жожгу в чистом поле калёна стрела, пробивала сердце его ретивое. Не вздохнул удалый, добрый молодец, припадал он к матери сырой земле. Только мать о нем и горевала…

И вставал царище Кудреянище на ноги резвые, похвалялся он силою-удачею. Выводил орду на рать великую, побивал ее и на Москву пошёл…

Уж ты, Грозный царь, Иван Васильевич!.. Ты почто убил разбойника бессчастного?.. Не разбойника убил ты в чистом поле; ты убил свою заступу верную… Как не стало заставы разбойничьей, стало некому силы басурманской грудью отстаивать.

9. Март-озорник

Звал Март соседа своего, Апреля, в гости:

– Приходи да приходи, соседушка; посидим, побеседуем с тобой о том, о сем!.. Чего нам с тобой друг друга чураться!..

Апрель – парень простой, душа нараспашку.

– Что ж, – говорит, – ладно. Буду у тебя!..

А Март всегда озорной был, всегда шутки разные шутил со зла надо всеми.

Посмотрел Апрель в окно, – видит, снег уж сошел, он запряг таратайку и поехал к Марту в гости на колесах.

А Март только того и ждал. Надул щеки, растряс из рукава снегу видимо-невидимо, напустил морозу лютого, ни дать, ни взять Ноябрь на двор заглянул. Что ты с ним поделаешь?.. Застрял Апрель со своей таратайкой в сугробе, – ни взад, ни вперед двинуться не может…

А Март-месяц, знай себе, втихомолку посмеивается, – рад, озорник, что с соседом шутку такую сшутил.

Разобиделся Апрель на него, повернул домой. «Никогда, – говорит, – больше к тебе не поеду, хоть в ноги кланяйся, проси!..»

Да отходчив был Апрель. Мало времени прошло, – и забыл он об этой злой шутке.

А Март не унимается. Пришел к нему и говорит:

– Что, соседушка, не довелось нам повидаться с тобой да по душам покалякать. Приезжай ужо ко мне, родимый, авось погода лучше будет. Да ты бы, отец, того… на санках бы…

– Ну, что ж, – говорит Апрель, – можно и на санках попытать.

А он уж очень прост был, Апрель-то. Ну, вот только он сани запряг, только за ворота выехал, а Март его уж сторожит; напустил тепло, всю дорогу раскиселил, – грязь непролазная, – куда там на санях ехать!.. Что ты будешь делать? А не ехать нельзя, – разобидится на него Март-месяц!..

Вот и говорит Апрель другому своему соседу:

– Так и так, братик Май! Надоумь, что мне теперь делать, как быть?..

Подумал-подумал Май, да и говорит:

– А ты вот что, братан, сделай. Запряги-ка ты телегу, на нее сани взвали да дощаник и ступай в путь-дорогу.

Так Апрель и сделал и, спасибо доброму Маю, блогополучно добрался к Марту то на колесах, то на санях, а иными местами – на дощанике вплавь.

Подивился Март на Апреля, даже позеленел от досады: выходит так, что он сам в дураках остался, вместо того, чтобы самому над Апрелем потешиться!..

Вот и стал он к Апрелю приставать:

– Скажи да скажи, соседушка, кто тебя этому надоумил?

А Апрель и признайся:

– Да меня Май надоумил!.. – То-то прост уж больно был он.

Вот с той поры Март и злобится на Май-месяц.

– Подожди, дай срок, – сказал он в сердцах, – я тебе штуку устрою!..

С той поры в Мае всегда – нет-нет, да и ударят мартовские морозы… А кто этому причинен?.. Все он, Март-озорник. Сердится он на Май-месяц за советы его Апрелю, – вот и шутит над ним шутки неладные. А от этих шуток у Мая чистое горе: и яблоня, и груша, и вишня гибнут в цвету, и озими страдают, и трава туго в рост идет…

Уж такой-то этот Март-месяц озорной да непутевый, и не приведи, Господи!..

10. Водяные цари

Жили-были два водяных царя – один в озере *Кушт*[1], а другой – *в Онего*[2]. Жили они весело, без лиха-горя, потому что достатки у обоих были хорошие, озера полноводные; лежать они между крутыми горами, поросшими лесами. А в озерах рыбы всяческой – видимо-невидимо.

Только вот куштозерский-то царь больно любил в кости играть: ничего бы ему не надо, хоть впроголодь сиди, только дай либо в тавлеи, либо в кости поиграть.

А онежский водяной тоже мастер был в кости поиграть. Познакомились как-то водяные цари, и зазвал Онего Кушта к себе в гости.

– Давай, – говорит, – в кости перекинемся.

А Куштозерский царь водяной тому и рад.

– Ну, что же – говорит, – давай, пожалуй!..

Вот и начали они кости метать. Кто их там знает, – счастье ли царю Онего шло, или кости метать он наловчился, а только что ни метнет кость, – всё ему прибыль выходит, а куштозерскому царю – всё убыток да убыток. И проиграл куштозерский царь онежскому все свои деньги, какие у него были, а тот ему и говорит:

[1] В Куштозерском приходе *(Ол. губ.)*

[2] Онежское озеро.

– Что ж, будем еще играть?

– Да у меня нет ничего!

– Как нет ничего? А озеро-то? А вода?.. Ну, да и рыба тоже? – Подумал-подумал куштозерский царь и махнул рукой.

– Ладно, – говорит, – давай дальше играть, может статься, я у тебя отыграюсь.

Начали они снова играть, и в скорости выиграл у Кушта царя Онего-царь и всю воду, и всю рыбу куштозерскую, так что Кушту-царю стало впору хоть в батраки идти. А Онего улыбается и говорит:

– А что, соседушка, еще не сыграем?

Обомлел куштозерский царь да и говорит:

– Все я уж проиграл, что ж мне еще на кон ставить?

– А ты себя закабали?..

Махнул рукой царь-Кушт и на это, – метнули кости, и вышло, что Онего опять выиграл.

– Ну, сказал Онего-царь, – теперь будет!.. Не царь ты теперь; иди ко мне в батраки, заслуживай свой проигрыш…

Заплакал царь Кушт, однако, делать нечего. Отвел воду из Кушт-озера в Онего, рыбу перегнал туда же, да и сам в Онего перебрался и стал служить царю Онего.

И пересохло озеро Кушт вовсе; ни капли воды в берегах нет; и что диковинно, рыбы-то нигде не найдешь, а прежде Кушт-озеро славилось всякой рыбой.

С горя да с досады на себя взялся, наконец, царь-Кушт за ум, приналег на работу, и так он царю Онего угодил, так по душе ему пришелся, что вскорости тот за его труды весь его проигрыш зачел, – и воду, и рыбу, и деньги ему вернул.

– Иди, – говорит, – к себе в Кушт-озеро. Живи помаленьку. И будем мы с тобою в дружбе жить!..

Ну, вот и вернулся царь-Кушт к себе в озеро, – и откуда ни возьмись и вода набралась, и рыба заиграла в воде, и всё пошло по-старому да по-хорошему.

Однако, с незапамятных времен один раз в десять лет озеро Кушт диковинным образом пересыхает да так, что на месте озера не остается ни капли воды и ни единой рыбины. Мужики, что в окрестностях живут, знают это и теперь не дивятся.

– Видно, – говорят, – опять наш водяной в Онего в кости играть пошел да проигрался. Не замай, отыграется, либо долг свой у царя Онего выслужить и назад вернется.

Так оно и на самом деле сбывается.

Высохнет всё озеро, словно лужа, а там, смотришь, мало погодя, и опять водой полным-полно!..

11. Сестры-лихоманки

Жили-были семь сестриц-лихоманок[3] в преисподней, в аду, одна другой краше: одна безрукая, другая тощая, третья слепая, а то безногая. Красавицы писаные, хуже смерти. Одну звали Огневица, другую Трясавица, третьюОзнобица, четвертую Комуха, пятую – Веретенница, шестую – Костоломка, а седьмую – Болотница…

И как больше всего любили сестрицы-лихоманки тепло, то и жили они в преисподней; там им и место бы. Да и в преисподней не всегда тепло бывает: порой ударит мороз, выстудит ад, – и полезут сестрицы-лихоманки на свет Божий искать пристанища по теплым избам и домам, где грешные люди живут.

Вот вышли лихоманки из преисподней, идут путем-дорогой, от холода ежатся, руки потирают, голодные, злющие-презлющие.

– Только бы найти нам виноватого, грешного человека! – сказала Огневица. – Я бы его разожгла, да и сама бы около него погрелась!..

– Эх, – сказала Трясавица, – только бы найти мне виноватого, я бы его так стала трясти, что сама бы согрелась!..

– А я бы на него озноб с себя спустила! – сказала Знобица.

– Что, сестрицы, – сказала Лукавица, – время-то нынче для нас самое тяжелое, – начало года. Куда ни сунься, – бабушки-ворожейки смоют тебя с притолоки своим снадобьем!..

– Не замай, сестрица, – молвила Безумица, – мы и бабушку-ворожейку к рукам приберем.

– Эго точно, – добавила Костоломка, – я ей самой кости изломаю.

Только седьмая сестрица, Болотница, молчала да про себя думу крепкую держала.

Вот подходят сестры лихоманки к околице села, – Болотница остановилась и говорит:

– Вот что, сестрицы, вы там как хотите, ступайте по теплым избам, а я на болото пойду.

– Да ты там смерзнешь, сестрица! – говорят лихоманки.

Ничего Болотница им не сказала в ответ, в пояс поклонилась и пошла в стыд и вьюгу на болото подлесное, – сирота-сиротой, такая смиренная…

Покачали головами сестры-лихоманки и разбрелись по избам. Только они ведь несуразные, лихоманки-то: ни двери в избу отворить не умеют, ни порядком в избу войти. Вот и стали лихоманки в сенях у притолоки – *такие* жалкие да несчастненькие, – глядеть на них так слеза прошибет. С голоду-то они смиренницы, на всё покорные.

Вот стоят лихоманки у дверей и ждут, когда кто выйдет из избы виноватый, либо грешный. Тут они на него набросятся и начнут его душить, ломать, трясти, колотить, огнем жечь.

Только глядь-поглядь идут по избам бабушки ворожейки, – и четверговую соль несут из семи печей и уголь земляной, что в ночь на Ивана-Купала он из-под чернобыльника вырывают.

---

[3] **Здесь слово** лихорадка **переиначено в** лихоманку *от слов* Лихо манить.

– Ну, – шушукаются сестры, – беда: все запасы для снадобья, чтобы нас смывать, с собой несут. Лихо нам будет!..

– А мы их-то! – говорит Костоломка…

Подошла бабушка-ворожейка, да как глянула на гостеек незваных, непрошеных, сразу их в лицо признала, да и говорит:

– Чур меня!.. На людей вы за собой лихо маните, лихоманки.

Что ты с ней будешь делать, с бабкой?

Повысили носы сестрицы лихоманки, пошли, несолоно хлебавши, по другим дворам, только и там их ждали, да поворот от ворот указали. На одном дворе на воротах углем написано «дома нет», ну, и лихоманке тут делать нечего, она мимо и проходит; к другому хозяину в избу лихоманка и войдет, а он либо лицо сажей вымазал, либо лежит в вывороченном тулупе, его и не признаешь, кто он таков!..

Сунься к третьему, – опять не ладное дело: у него на шее ожерелье из змеиной кожи надето, либо из восковых шариков от страстной свечки.

Не может никак лихоманка к человеку виноватому подступиться, хоть волком вой!..

Закоченели, застудились лихоманки, да так-то всю зиму лютую и промаячили голодные, бесприютные, где попало.

Как в преисподней растопили печь, они – туда скорей. Только тем и спаслись.

Приходят в ад. «Вот, – думают, – мы-то живы, а Болотница, чай, вовсе на стуже загибла!..»

А Болотница им навстречу и выходит, – такая сытая да румяная, веселым-веселешенька.

– Здравствуйте, – говорит, – сестрицы мои любезные. Уж вы где же это маялись?.. Сколько, я чай, маяты за зиму на себя приняли. Глянуть на вас жаль: отощали вы вовсе, не то, что я.

– А ты где же была, сестрица? – спрашивают шесть сестер лихоманок.

– Я-то, что ль? А я, сестрицы, как на болото нашла, – повстречала мужичка, что грешным делом в болото провалился. Села я на него, начала его душить, знобить, ломать всячески. Он меня в избу к себе занёс. Сначала он меня кормил, поил, холил да грел, потом баба его, потом старуха-бабка, а там и у ребятишек я у всех его перебывала. Да и всю деревню потом обошла. Ничего, весело да сытно жила, работы много мне было!.. И напрасно вы бабам-ворожейкам верили, – разве они нас отвести могут?..

Завидно стало на нее сестрам-лихоманкам.

– Ладно же, – сказали они, – дай срок, ужо мы не плоше тебя заживем, как пойдем народ честной подстерегать по дорогам, путинам прямоезжим, по рекам, озерам да по болотинам.

Вон они сговорились как! Вот ты слушай это да на ус мотай, где надо сестер-лихоманок опасаться!..

12. Чернокнижники

Жил-был человек некий в нищете да убожестве долгие годы. Напоследок не стерпел, согрешил: – на Бога возроптал:

– Что, – говорит, – Господи, – всех Ты милуешь, на одного меня рукой махнул. Али я обсевок в поле?

Подслушали это чертенята, пробрались в избу к бедному человеку и взяли с него слово под страшной клятвой, что всю жизнь он будет им служить, а по смерти и душу им свою передаст. А за это они обещали обучить его лихому делу – ворожбе да волшебству, и дали ему Черную Книгу. А в той самой Черной Книге всё написано было – и какие заговоры и заклятия читать надо, и какие чары на людей напускать можно…

– Только, – говорят, – ты уж, старичок, добро делать во всю жизнь и думать не смей. А помирать станешь, передай ты эту Черную Книгу либо кому из семейных, либо другу-приятелю своему. Не то худо будет и тебе самому, и домашним твоим. Не будет тебе покою, – что ни полночь, будешь ты таскаться с кладбища в белом саване к себе домой, будешь шарить всюду да приедать, что там от ужина и от обеда осталось. И такого ты страху наведёшь, что выроют тебя из могилы, повернут тебя ничком, пятки подрежут, а в могилу осиновый кол загонят!..

Ну, вот и стал чернокнижник волхвовать да чудеса разные творить. И на всю округу стал он известен, как Дока-Морока.

Свадьбу ли расстроить, человека ли извести да иссушить, клад ли отыскать, приворожить кого, – на все Дока-Морока мастер был. Только в Черную Книгу заглянет, – и готово дело: вызовет чертей, те что хочешь сделают. Да и звать их не надо, тут они, возле Доки-Мороки ежечасно пребывают и всё спрашивают, что ему будет угодно? А это прежде всего, чтобы нечистую силу на работе всяческой изводить, чтоб она без дела не шаталась, а то она Доку-Мороку и самого до смерти замучить может.

Ну, вот и помер, наконец, Дока-Морока, а книгу-то передать никому не успел. Остался после него удалый добрый молодец. Отыскал он Черную Книгу и смекнул:

«Сем-ка, почитаю я книжицу да силу бесовскую попытаю!..»

Развернул он Черную Книгу и только заговор прочел, откуда ни возьмись привалило нечистой силы – видимо-невидимо.

– Что, – говорят, – приказать изволишь? Говори скорей, у нас руки чешутся, ноги свербят!.. Да поскорее, поторапливайся.

Удалому доброму молодцу сначала занятным это показалось. Стал он их на легкую работу посылать, – только пошлет, а черт уж и назад ворочается.

– Готово дело! – говорит. – Что еще делать надо?

А за ним и другой, и третий возвращаются.

– Приказывай, что еще делать нам? У нас руки чешутся, ноги свербят.

Стал удалый добрый молодец похитрей того задачи задавать. Только чертям всякая работа ничего не стоит. Живым духом самое мудреное дело наладят и за новой работой являются.

– У нас, – говорят, – руки чешутся, ноги свербят; говори, что еще делать надо!..

Да этак-то с утра и до ночи; и всю ночь до утра нет доброму молодцу ни отдыху, ни сроку; поесть времени не найдешь, носу утереть некогда. А прогнать чертей без работы никак невозможно.

Ему-то невдомек было, как это другие чернокнижники нечистую силу на работе изводят, чтобы она им помехой не была.

Вот, к примеру сказать, велят они чертенятам из песку веревки сучить, из воды пряжу прясть, из земли в землю тучи перегонять, горы срывать да моря вровень с краями засыпать, а то слонов дразнить, тех, что на хребтах землю держат.

Поди, справь дело такое, – и нечистой силе трудов положить на такое дело не мало приходится.

То-то плохо, дела не зная, браться за него; всегда неладно выходит…

Затосковал удалый добрый молодец, в щепку высох, ни на что глядеть ему немило. А черти на шаг от него не отстают.

– Как же так? – говорят. – Какой же ты чернокнижник, коли работы нам дать не можешь.

– Что ж, братцы, – говорит удалый молодец, – не все же работать, и отдохнуть можно. Вы бы, того, полегче…

– Никак этого невозможно, чтобы мы без дела, сложа руки сидели. У нас руки чешутся, ноги свербят… Приказывай…

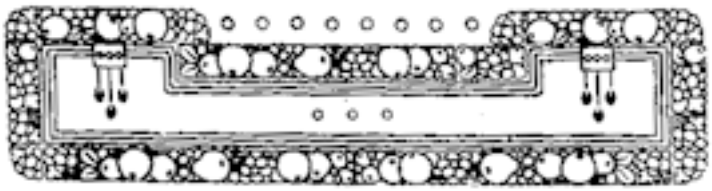
Рассердился на них молодец:

– Да ну вас, говорит, – отвяжитесь вы от меня!..!

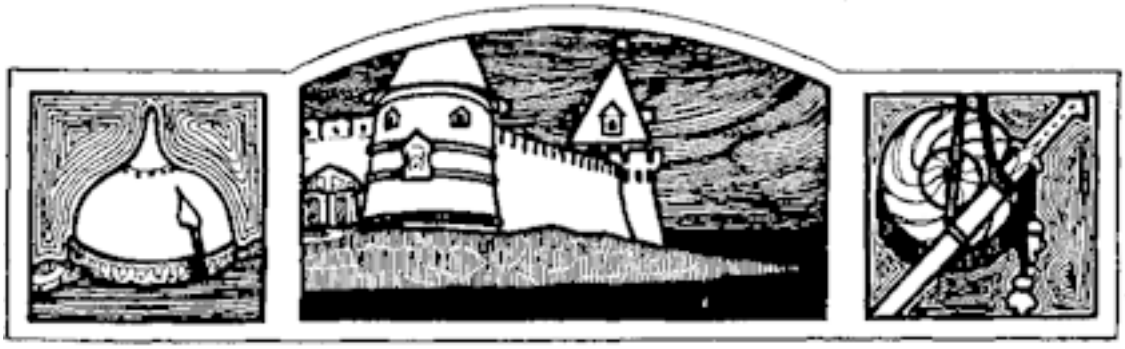
Не тут-то было: лезет на него сила нечистая, пристает, зубы скалят, копытами стучать, когтями грозятся, хвостами щекочат.

Нападают на удалого доброго молодца, а он уж и дохнуть не может от тесноты. Ну, так и задушила нечистая сила беднягу парня.

С той поры никто к Черной Книге и не прикасается, всякий чурается её. Тоже и Докой-Морокой быть – сноровка нужна, а то дело плохо!

13. Воевода Филя

Жил да был в старом городище Ростове, на Ростовском озере, князь Глеб Долгорукий. Сам он и труслив, и ленив был и всё больше на изразцовой лежанке нежился, мед пил да пряниками печатными закусывал, а правил всей областью за князя воевода Филя.

Был воевода Филя в ратном деле человек искусный. А помощником у старого воеводы была дочь единая, Фёкла, по прозванью Филя.

Во всем Ростове на много верст в округе не было девушки краше Фили, воеводской дочери; а умна, а добра, а щедра, – и слов не найдешь описать того. Рано овдовел старый Филя, а как больно любил он покойную жену свою, то и положил он вдовцом вековечным остаться и дочь свою, Филю красавицу, на ноги поставить да под венец с добрым человеком в церковь Божью отвести.

Были у ростовцев опасные соседи – яновцы. Старый князь их, Юрий, был сердцем лютый, – ему все бы воевать с соседями-ростовцами. Чуть что нелады выходят, – князь Юрий рать свою скликает, и волей-неволей выводит против него старый воевода Филя рать княжью на суд Божий… Где ж ему было Филю-красавицу растить да в страха Божьем воспитывать?.. Брал её старый воевода с собой в походы, и жила Филя в ратном стану, и к делу ратному пристрастилась, и всяким оружьем владеть научилась искусно.

И не раз случалось, что поручал своей дочери старый воевода дружину хоробрую, и водила ее девушка в лютую сечу с недругами, как любили дружинники девушку воеводу и за нее душой стояли и даровал ей Господь не раз над недругами одоление.

Изобидели как-то яновцы ростовцев да еще сами грозятся: огодите ужо, мы всю вашу землю с головнёй пройдем, – бревна на бревне, камня на камне не оставим, дайте срок!..

Поднималась о ту пору Ростовская рать сильно-могучая и пошла на яновцев, одолела их силу немалую и кольцом обложила их город.

Времени досужего у ратных людей не занимать стать было, и поехала раз воеводская дочка, Филя, «ловы деять». Загнала воеводская дочь буй-тура круторогого, притомилась, и как выехала из чащи дремучего бора на поляну, поднялась на холм, коня стреножила, а сама прилегла под рябиной и черёмухой, что друг возле дружки неразлучками росли, и забылась крепким сном.

О ту пору прискакал из Киева могучий витязь, сын яновского князя Юрия, молодой Улей-Бой-Ясные-Очи, и прорвался в осаждённый город сквозь вражий строй.

Обрадовался старый князь, утешились и яновцы нежданной и негаданной заступей. А молодой Улей-Бой-Ясные-Очи живой рукой рать яновскую ободрил, в кучечку свёл и принял от отца воеводский меч-саморуб.

Вот мало времени спустя и надумал Улей-Бой: «А пойду-ка я будто бы «ловы деять», чтобы прежде чем в лютую сечу идти, вражий стан повысмотреть, повыследить, в какое место грозой Божией ударить»…

Обкольчужился, облатился Улей-Бой-Ясные-Очи, а поверх всего шкурьё надел, сам оседлал коня борзого, клал для крепости три подпруги на седельце боевое, садился добрый молодец на коня и выезжал путиной неприметной в дремучий бор…

Да едучи бором частым, дремучим, сбился добрый молодец с пути и заехал на тот холм, где рябина с черемухой неразлучно росли; видит, – раскинулся под рябиной добрый молодец, спит сном богатырским, а доспехи на нем, как жар горят; бродит вокруг него ратный конь, а в ногах у доброго молодца пёс дозорный лежит, Увидал боевой конь недруга, заржал, топнул оземь копытом, – спит, не ворохнется славный витязь Филя, – спит и беды не чует… Вскочил пес дозорный, забрехал на недруга.

Очнулась воеводша красавица, вставала скорёшенько на ноги резвые, садилась на коня ратного, говорила молодцу доброму без робости:

– А и кто же ты, витязь незнаемый, неведомый, что шатаешься по лесу дремучему? А что шкурьём прикрылся ты, – и тем *ты* на меня мороку не наведешь. По обличью твоему, по посадке твоей, по коню доброму видно сокола по полету. Скажи, не утай, ты какой орды, какой семьи?., Ежели нашей орды, давай побратаемся, ежели вражьего стану, давай силой оружьем померяемся… Одолею я тебя, ворога, что как тать в ночи к спящему витязю подкрадывается?..

Приосанился молодой Улей Бой Ясные-Очи. Полюбилась ему дочка воеводская и сдержал он свое сердце ретивое…

– Ты чего же, славный витязь, дела не сделав, похваляешься, ты почто надо мной бахвалишься? Еще кому Господь Бог из нас одоленье пошлет, – неведомо!.. Да не стану я с тобой

биться, отдаю я тебе, красная девица, и копье свое долгомерное, и меч-саморуб. Ты возьми меня, люба моя, к себе в полон. Непригоже мне, доброму молодцу, с девушкой биться.

Осерчала воеводша Филя на такие слова; алым заревом вспыхнуло лицо её, – налетала она на витязя Божьей грозой, да не зевал молодой Улей-Бой-Ясныя-Очи, – брал ее он за руки белые, целовал в уста сахарные.

Оттолкнула Филя витязя, ударила коня и помчалась вихрем перелетным в ростовский стан…

Возвращался молодой Улей-Бой-Ясныя-Очи в Янов городище, за острог городской, шёл к отцу старику, припадал к ногам его и взмолился ему слезно:

– Ты прости меня, батюшка родимый, не гневайся… А не будет ли нам кровью безгрешной родную мать сыру землю поить, не пора ли нам одуматься?.. Полюбил я всем сердцем воеводскую дочь, Филю; ты пошли во вражий стан сватов с подарками, со всяким богачеством. Больно по-сердцу пришлась мне красная девица.

Обряжался старый князь не по ратному, отъезжал с Улей-Боем-Ясные-Очи во вражий стан, бил челом старому воеводе Филе подарками богатыми.

– А не полно ли нам, воевода, мать-сыру-землю кровью святорусской поить?.. А не полно ли нам зря народ губить?.. Ты отдай, воевода, свою дочь, Филю, за сына моего, Улей-Боя-Ясныя-Очи!.. А и нам, старикам, недолго Бога грехами гневать осталось… Незамай, ребята наше дело по-совести, по-Божьему улаживают.

Обрадовался старый воевода Филя, послал за дочерью.

– Иди, не мешкай, – дело до тебя неотложное есть.

Выходила красная девушка, в ферязь драгоценную обряженная, снимала покрывало с девичьего лица, – и о ту пору словно солнцем теремную горницу залило. Говорит она отцу-воеводе:

– Ты почто меня, батюшка, кликал?

Указал воевода Филя на доброго молодца, Улей-Боя-Ясныя-Очи, и говорит:

– Полонила ты, Филя, витязя сильно-могучего, – пришел он к тебе сам в полон, несет голову повинную и меч-саморуб. А от Бога нам наказано, что повинную голову и меч не сечет… Делай с ним, что захочешь.

Бросилась Филя богатырь отцу на шею, заплакала от радости и говорит:

– Твоя воля, батюшка. Из твоей воли я не выйду…

И тут скорым делом свадьбу сладили, выкатили народу сорок сороков бочек зелена вина, еще сорок сороков бочек меду заветного, – заводили ратные люди почестен стол за беседою тихо смиренною.

14. Разбойник Кудеяр

Широка, многоводна, красавица Десна-река. Протекала она лесами дремучими, протекала она прямехонька, а теперь крюком изогнулась. И зовут этот крюк – Кудеяров стан, потому что жил в старопрежние годы на этом месте лютый разбойник Кудеяр, что ни конному, ни пешему проходу не давал, что по Десне-реке проезжие баржи да бусы-корабли выслеживал, народ побивал, либо дань с него брал непомерную.

Был у Кудеяра-разбойника притон на берегу Десны-реки, в лесной чаще, а по другую сторону стоял небольшой поселок, дворов пять, не больше.

Жил да был здесь мужик степенный, богобоязненный, а у него была единственная дочь, да такая красавица, что ни в сказках рассказать, ни в книжках описать невозможно. И вышла девушка вся в отца – тихая такая, добрая, молельщица первая.

Вот и приглянулась она разбойнику Кудеяру. Забрел он к ним мимоходом как-то, заприметил девушку, и запала ему мысль взять её замуж за себя.

Сталь разбойник наведываться в посёлок все чаще да чаще, стал девушке сказывать про удаль свою, молодечество да про жизнь свою беспечальную.

– Выходи за меня, красная девица, – говорит, – обряжу я тебя в золото, в парчу, в шелки персидские; я увешу тебя самоцветами, зерном бурмицким[4]; еще выведу тебе я терем с маковками златоверхими. И ты будешь жить со мной – не князьям, боярам чета, самому царю белому в диковинку!..

Уговаривает разбойник девушку всячески, да и слушать не хочет красавица его речи лукавые…

– Сгинь, пропади, – говорит. – У тебя руки-то по локоть в крови; у тебя терема на праведных костях; твои яствушки сахарныя слезами приправлены.

Помрачнел Кудеяр, затучился; его сердце лютое неотходчиво, его злоба неуёмчива. Опустил он буйну голову пониже плеч… Говорит он девушке в ответ:

– Добро, красная девица… Добром не шла, силой я тебя возьму. Не бывало того, чтобы Кудеяр назад отступал… И о ту пору ты всплачешься, вспокаешься, что добром за меня не шла…

Выждал Кудеяр пору-времечко, как ушли отец с матерью девушки на работу дальнюю, – и пошёл на выселки.

«Будь, что будет, думает, – а своего добьюсь. Лучше убью её, а из своих рук не выпущу!..

[4] **Бурмитское зерно** – устар. крупная, окатистая жемчужина.

А та ночь была непогожая, воробьиная. Подошел Кудеяр к дворнику худому, – стук-бряк в кольцо.

– Отопри, красная девица, – студено на дворе; непогода стоит. Отопри добром; это я, Кудеяр, пришел.

Задрожала всем телом несчастная; припёрла дверь поплотней, крепко-накрепко засов задвинула.

– Что тебе, государь, надобно? – спрашивает. – Ты зачем не в пору сюда пришел?..

– Впусти меня, – говорит Кудеяр, – значит, надо так!..

– Не пущу тебя. Говори, что надо?..

– А тебя мне надо, девушка! Я тебя с собой взять хочу! – загремел Кудеяр во весь голос, а сам ногой о дверь стучит, инда ободверины трещат.

Замерла на месте девушка красавица, чуя беду неминучую.

– Уходи, – говорит, – всё одно не отворю я тебе, разбойная душа… Ступай, отколе пришел, добром.

– А не хочешь волей отворить, так пеняй на себя ужо, душа девица!..

Поналёг разбойник плечом на дверь, – с ободвериной ее вон высадил, – только смотрит, в избе никого, и окно выломано. Глянул в окно, – а девушка-красавица *бежать от* избы к Десне-реке; волосы её разметались, одежда истрепана, она руки-то вверх подняла, с иконой, и бежит, и горько-горько плачется, к Самому Господу взывает!..

Выбегал Кудеяр на широкий двор, ударился за ней следом… Бежит, сам от злобы дух перевести не может… Уж совсем настигать девушку бессчастную разбойник стал, да она уж к самому берегу Десны-реки подбежала; а Десна река от непогоды вздулась, вспучилась и волнами переливчатыми перекатывается, на берега их выхлёстывает. Подбежала девушка к ней:

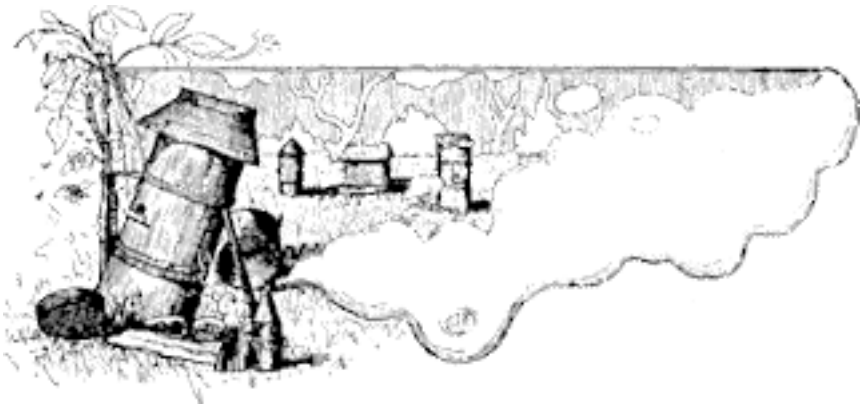
– Ой, заступница Пречистая Богородица!.. Матушка Десна-река!.. Не сама я виною тому, что руки на себя наложу, – погибаю я от зла-лиха человека!..

И бросилась она с берега в Десну реку…

Обомлел Кудеяр, замер на месте. А Десна-река, как девушку-красавицу приняла, перекинулась через нее, – ей свое русло отдала, а сама легла потоком бурным между ней и разбойником; да взметнувшись, охватила его переливчатой волной, закружила, завертела и понесла с собой, и опомниться ему не дала, – только люди разбойные атамана своего и видели; только мать о нем и горевала…

15. Откуда пчелы пошли

Была у Дедушки Водяного лошадь; любил он на ней кататься, да только ездил-то на ней, неумеючи, ну, и загнал ее до смерти Дедушка Водяной и бросил её в болото.

От этой лошади отроились пчелы; а Водяной Дедушка посадил их в улей-колоду и оставил у себя в болоте.

О ту пору выехали рыбаки на болото, закинули невод и вытащили вместо рыбы улей с пчелами. От того улья и по всему свету пошли пчелы. Пчелиную матку выкупил некий злой чародей и дал он за матку пчелиную выкупа тридцать голов знахарей.

Только сам чародей не посмел держать у себя пчелиную матку, а передал её по указу нечистой силы другому колдуну, а тот посадил её в свой улей. Колдун-то этот был самый злющий и против людей зло на сердце держал. Вот и научил он пчелиную матку людей жалить, а та обучила этому и других пчел.

Вот как-то один рыболов из *мех,* что неводом улей из болота вытащили, задумал украсть матку пчелиную. Та его и ужалила. Разболелся рыболов, опух весь, и пришлось бы ему пропадать. Да знахари – народ хитрый; посоветовали они рыболову матку-то проглотить. Он проглотил, и ничего, оправился.

Проведал Водяной Дедушка, что знахари вызнали, как от жаления пчёл народ лечить, и сказал:

– Ну ладно, коли вы это дело знаете, так пускай уж пчёлы в вашей власти и будут!..

С той поры знахари пчелиным делом и занимаются. И ежели какой знахарь пасекой обзаводится, так уж он непременно, ради благоденствия и обилия мёду Водяному Дедушке лучший улей обрекает, либо оставляет его на пасеке, либо в болоте топит…

16. Месяц и чёрт

Известно, чёрт хитёр на всякую штуку, – с толку сбить доброго человека, обморочить его, глаза ему отвести; ну, а если всё дело разобрать, то выходит, что чёрт и вовсе глуп. Всю-то жизнь он разными тёмными делами занимается, а для тёмных дел тьма несосветимая нужнее всего, – ночью нечистой силе – одна благодать.

Только когда на *небе* ни *туч,* ни облаков не бывало, нечистой силе несподручно было своими тёмными делишками заниматься. Звезды светят ярко, месяц от зари до зари так и сверкает, так и блестит, – всё на земле, как на ладони, видно!..

Вот и стал чёрт по поднебесью бегать, звезды с места срывать. Только хвать рукой, – а звезда из-под самых рук и вывернется. Разве что иная, грехом, зазывается, – ну, он ее и пихнёт прочь, а она и покатится по небу чертой огненной… Выйдет месяц ясный, круглый такой, чёрт на него шапку накинет, – вот он и скроется…

Само собой, чёрту месяц в шапке долго не удержать, – он у него из шапки нет-нет да и выскользнет… Осердится чёрт и начнет месяц на куски крошить; весь искромсает, и нет месяца. Вот тогда нечистая сила и начинает злодействовать. Да месяц-то немного погодя опять из кусочков срастётся и опять на небе воссияет, и снова начинают темные силы с ним воевать. Да так круглый-то год чёрт и мается с ним, на кусочки крошит. И бывает так оттого, что то месяц – круглый на небе, то в половину кажется, то краешком одним светится, а то и вовсе его, как и не бывало.

17. Птица Бжек

Вот когда Бог сотворил землю, зверей, птиц, всяких гадов и рыб, позвал он к Себе человека, даёт ему мешок с разными гадами – лягушками, змеями и ящерицами, что были в нем завязаны, и говорит:

– Смотри, блюди их, как бы они у тебя не разбежались. А то худо будет, и тебе тогда от Меня достанется!..

Ушел Бог, а человека любопытство взяло, – что-де тут спрятано. «Дай, – думает, – хоть глазком загляну. Что за беда такая?.. Никто не узнает!..»

Ну, вот он и развязал мешок, да как увидал, что в нем гады копошатся, – он мешок оземь и грянул. Ну, конечно, гады ползучие во все стороны и расползлись.

Узнал про то Господь, распалился Он на человека.

– Как же это ты не послушался Меня, мешка не уберег!.. Худо же тебе будет.

Вот и обратил Господь человека в птицу длинноногую, с носом длинным, и по прозвищу Бжек (Аист), и сказал ему:

– Ступай, собери всех гадов, которые из мешка расползлись, а сам оставайся Бжеком на всю жизнь.

Вот и пошел Бжек бродить по рекам, по озёрам, по трясинам да болотинам и всюду разыскивал расползшихся от него гадов.

Оттого Бжек и умен, и домовит, и народ его любит. Ежели Бжек в деревню прилетит, да на какой крыше гнездо своё сложит, – мир и счастье этому дому. Ну, а кто гнездо его разорит, тому плохо будет. Сам Бжек, по воле Божьей, отомстит злому человеку.

Щёлкнет он клювом, высечет искру и подожжёт избёнку – и залить того огня никак невозможно.

18. Святые строители

Давно это было, как задумал князь Владимир Красное Солнышко построить в Овруче[5] златоверхую церковь во имя св. Василия Великого.

Начали было строить, да только дело с самого начала не заладилось. То рабочих людей не найдешь нигде, то камня на стройку недостает, то самому князю за разными делами за работой присмотреть недосуг… Так и заглохло это дело. Кто был на работе, – те подождали немного и разошлись, куда глаза глядят, – нам, дескать, тут делать нечего.

А жил-был о ту пору некий праведный человек, который и молитвой, и добрыми делами Богу служил. Горько и тяжко стало ему, как проведал он о том, что случилось, и взмолился он:

– Господи Боже!.. Подай мне силы и возможность возвести церковь Твою!..

И видит он вдруг, что подходит к нему сам Василий Великий, и с ним двенадцать других старцев – видом благообразные и все словно светом озаренные… И сказал Василий праведному человеку:

– Не скорби, старче. Ныне созвал я двенадцать святых на подмогу – церковь во имя моё возвести!..

Обратился Василий Великий к старцам и говорит:

– Ну, братцы, пособите нам – во славу Божию!..

И увидел тут праведный человек чудо-чудное, диво-дивное.

Засучили святые строители рукава, пошли камни таскать, известь мешать, стены класть, – работа так и кипиг…

Живо стены возвели, стали у церкви купол сводить, – а тут подошли из Киева еще двенадцать святых, что принесли с *собой* красного камню для лепоты-красы. Приходят, а церковь уже кончена. Делать нечего, – они камень сложили около и ушли.

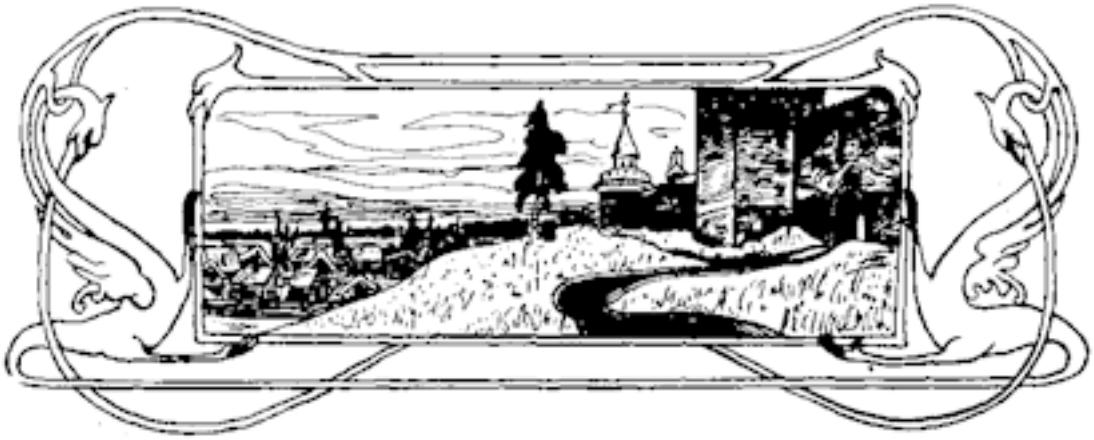
И по наше время ещё много этого камню там лежит.

Когда было на Руси лихое безвременье и пришел Мамай безбожный, скрыл от него Господь эту церковь, зарастил ее лесом дремучим со всех сторон. И доселе Господь обрушенные стены церкви хранит, потому как строили её угодные Ему люди. А народ окрестный нет-нет, да камень оттуда возьмет, да на дорогую могилу и положить…

[5] Волынской губ.

19. Чёрт в рукомойнике

Жил-был в глухой пустыне в маленькой пещерке один затворник, который из мира ушел и от грехов спасался.

Дни и ночи молился он Богу, священные книги читал, а напоследок раздумался и усомнился.

Прочел он как-то в Писании: «Просите и дастся вам», и подумал: «Ужели же по моей просьбе может всё совершиться, чего я ни пожелаю?.. А ну-ка испытаю я это на самом деле!.. Посватаюсь-ка я к царской дочери, и ежели выйдет по моему желанию, значить, каждая буква в писании – истина!..

Ну, вот и собрался он в путь-дорогу; шёл-шёл и приходит, наконец, в город неведомый, прямо к царю и говорит ему попросту, без затей:

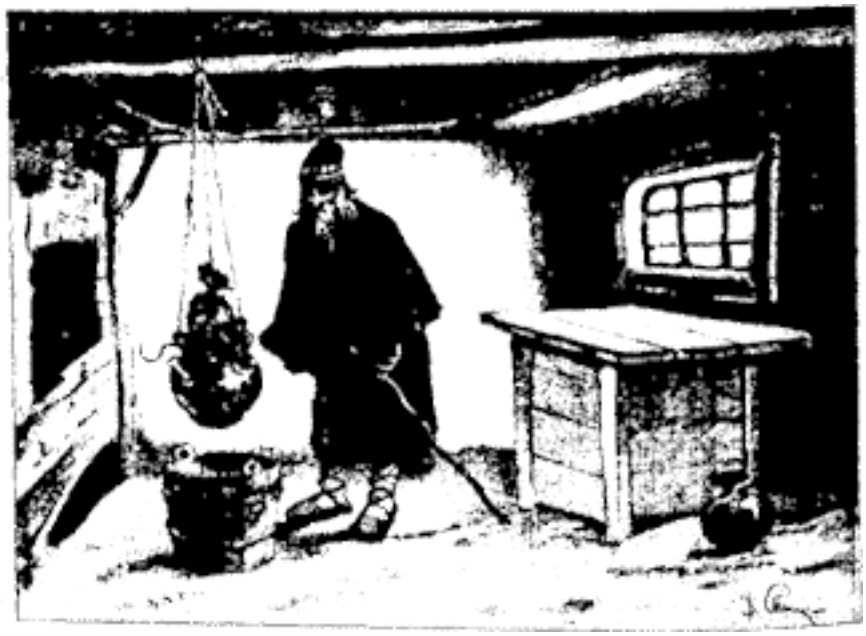
– Так и так, государь, отдай ты за меня замуж дочь свою царевну…

Подивился царь на то, что какой-то неведомый нищий, весь в отрепьях, просит руки его дочери, и не нашелся, что и ответить старцу, а пошел к дочери и пересказал ей обо всём том.

Далась диву немалому и царевна, а потом пораздумалась, да и говорит:

– Дивлюсь я, государь-батюшка, этому, как великому чуду. И думается мне, что неспроста пошёл этот человек на такое дело. Так скажи ему, что ежели он желает такого чуда, так пускай и сам он чудо какое ни-на-есть сотворит… Вот, к примеру сказать, вижу я тебя, батюшка, и других людей, а себя самой видеть не могу. Не чудо ли это?.. Так скажи ты этому старцу, пусть он сделает так, чтобы я самоё себя увидать могла.

Усмехнулся на это царь и говорит:

– Ну, что ж, я ему так и скажу… А только что же он сможет сделать?..

Выслушал старец царя и пошел бродить по свету, искать такой вещи, чтобы царевна всю себя в ней видеть могла. «Что ж, – думает, – я найду. А то как же иначе сбудутся слова Писания?» Вот и набрел он, по лесам блуждаючи, на пустую хибарку, в которой никого не было.

Вошёл пустынник в хибарку и присел на лавку отдохнуть. И только присел, как слышит, что заохал да застонал кто-то в избушке…

Оглянулся старец и говорит:

– Кто это стонет, меня окликает?..

И раздался, в ответ на то, из угла чей-то жалобный, тихий голос:

– Мудрый старец! Сжалься надо мной и над моими страданиями. Вот уж сколько лет сижу я в тяжкой неволе, запертый в рукомойнике. А засадил меня некий благочестивый старец, которого я искушал; запер он меня сюда тем, что крест на рукомойник положил. И никак не могу я из-под креста освободиться. А если выпустишь ты меня отсюда, я тебе дам всё, чего ты только ни пожелаешь от меня.

Обрадовался старец и говорит:

– Ну, что ж, пожалуй. А только ты дай мне за это такую вещь, чтобы человек себя в ней видеть мог!..

– Хорошо! – сказал голос из рукомойника. – Сними только с этого рукомойника крест из двух палочек.

Старец снял крест, и тотчас же вылез из рукомойника маленький, шустрый чертёнок и стал лапы расправлять, хвост по-собачьи облизывать. А потом вышел на двор и в скорости приносить старцу мудреную вещицу: круглую, блестящую, как вода.

– Вот, – говорит, – тебе такая диковинная вещь, что кто на нее ни глянет, – сейчас же самого себя увидит…

Старец глянул на дьявольский подарок и ужаснулся: выглянул кто-то на него, словно из окна, – старый такой, седой, весь в морщинах, а глаза, как угли, горят…

– Господи Боже мой!.. – ужаснулся старец. – Да кто же это такой?..

– А это ты сам такой стал!..

И ужаснулся старец на самого себя; однако, бережно спрятал диковинную вещь и отправился в тот город, где царская дочь жила.

Как только увидала себя в зеркале царская дочь, – а она красавица писаная была, – обрадовалась она и говорит:

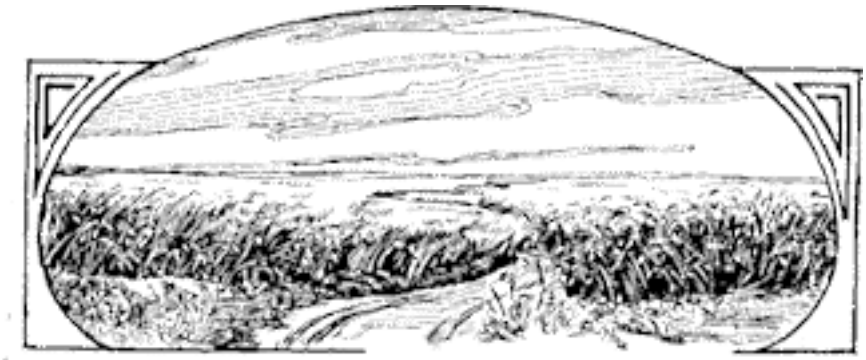
– Ну, спасибо, добрый человек!.. Уважил ты меня!.. За такой подарок я с радостью выйду за тебя замуж, потому что вижу я, что не простой ты человек, а чародей!..

И увидел старец, что сбылись слова Писания, и устрашился он своего греха, что искушал он Бога до сего дня. Удалился он к себе в пустынь и с тех пор дни и ночи проводил он в молитве, искупая свой грех.

20. Народные сказания о хлебном колосе

1. Жадный человек

Прежде, сказывают люди, зерна покрывали собой всю соломинку от земли до самого верху. И о ту пору народ жил как нельзя быть лучше. Хлеба было вдоволь, а это – прежде всего. Спокойно на душе было у мужика; не только у него в избе довольство и ребятишки сытые бегают, а и странствующим людям он чуть не половину от своего добра уделял. Да прошло теперь это время, не стало таких колосьев родиться. Бог земле того не приказал, потому что прогневил Его сам же человек…

Засеял раз жадный человек много земли, и дала ему мать-сыра-земля диковинный урожай сам семьсот… Время приспело убирать рожь, – не то потечет зерно; а жадному человеку жаль и работников нанять. «Не замай, – думает, – я и сам весь хлеб уберу!»

Обуяла его жадность лютая. А уж это хуже всего, как человеком жадность овладеет, – пропащая тогда это душа!..

Вот и пошел скряга на ниву, стал хлеб жать; нажал копну, – смотрит, – ребятишки по жнивью ходят, колосья подбирают. Зло взяло скрягу, и прикрикнул он на них:

– Кыш… вы, пострелята! Вот я вас!.. Ваша это земля, что ли? Не вы сеяли, а *я!*..

И в первый раз разгневался Бог, нахмурил Свое чело, – и набежала от того градовая туча; да сдержал Господь Свое сердце, отвел беду от людей…

А скряга той порой всё жал-жал и всё народ от своего поля гонял. Люди придут:

– Давай, – говорят, – мы тебе поможем. Одному тебе всего не прибрать! Даром зерно у тебя вытечет, сколько добра зря погибнет!..

– Не ваша печаль, – отвечает жадный человек. – Не вы сеяли, а я сам!.. Это, небось, всё моё!..

Само собой, не смог мужик всего один одолеть. И жалко стало ему, что вот время уходит, а он всего дочиста сжать не успеет, и останется всё это добро другим на пользу; и пошел неистовствовать: ходит по тучной ниве, ногами и руками машет да зерна с колосьев обшмурыгивает.

И увидел это Господь, и помрачнело чело Его градобитной зловещей тучей. Пошел град хлестать, да такой, что каждая градина была величиной с кулак. И всё бы истребила градовая туча, да увидала это собака и взвыла в ужасе…

– Если люди не были достойны Твоего дара, Господи, – сказала она, – то *чем* же виновата я? Неужели и мне пропадать с голоду? Оставь и на мою долю хоть сколько-нибудь хлеба.

И на эту просьбу собаки сжалился Господь и оставил для неё немного.

– Хорошо, – сказал Он, – отныне и навсегда на ржаной соломинке будет на вершине её расти небольшой колосок – только для тебя, а людям зёрен не будет; они недостойны их, потому что не умели пользоваться даром земли.

Вот с той поры на каждой соломинке и вырастает только один колос для собаки, а уж собака делится им с людьми…

2. Божий гнев

Хорошо было людям жить в старину, – никогда голода не было. Лошади, быку Бог травку растил, а человеку с неба муку сыпал, чтобы он из неё хлебы себе пёк.

Подает с неба мука, киргизки соберут её в кошёлку, поставят хлебы, испекут их – вот вся семья и сыта.

Только ушёл раз богатый Бурхай из своей кибитки, и жена его тоже вышла куда-то, а дома остался их сынишка. Стал он баловаться. Баловался-баловался, да ведро с помоями и опрокинул в кибитке. Испугался кигизёнок: достанется ему от батьки за это; потому что не полагается кибитку сквернить.

Вот, чтобы следы-то скрыть, он взял кадушку с мукой, что неба упала, да на пролитые помои её и высыпал.

И разгневался на это Господь.

– Вот как люди с добром обращаются, – сказал Он. – Хорошо, отниму же Я его у них: пусть как хотят, так и добывают себе хлеб!..

На том все благоденствие киргизов и кончилось.

Утром на другой день вышли киргизки на улицу муку *с неба* подбирать; глядь, – сыплется с неба что-то белое да холодное такое; они в пригоршню взяли: нет ничего, а кругом всё бело. А это был снег. С той поры и пошел вместо муки с неба снег падать, и киргизам стало жить и холодно и голодно на свете Божьем.

21. Свет-богатырь

Жил-был на Москве в прежние годы удалый, добрый молодец, по прозванью Свет-богатырь. И такой он был добрый да ласковый, разумный да приветливый, что всем люб был. Само святое солнышко колоколнышко его холило, нежило, золотым лучом одаривало, и приглянулась Свет-богатырю красная девица Офросинья Терентьевна.

Да жила-то красная девица в терему высоком у батюшки с матушкой, за оградой высокой, за затворами железными, за запорами чугунными, за семью замками немецкими да за печатью.

Закручинился удалый, добрый молодец, отемнел с лица, не ест, не пьёт; на белый свет смотреть ему тошнёхонько.

Задумали князья-бояре, загадали воеводы московские горю этому помочь, поженить доброго молодца на душе красной девице. Пошли они в Терентьев терем, ударили Сударю-Терентью челом и говорят:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.